

Михаил Александрович Бакунин

**Полное собрание
сочинений**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М69

М69 **Михаил Александрович Бакунин**
Полное собрание сочинений: Том 2 / Михаил Александрович Бакунин – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 268 с.

ISBN 978-5-458-13618-1

ISBN 978-5-458-13618-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гой день страшнаго и постыднаго пораженія, было слово гнусѣйшей реакціи.

Кто не читалъ достопамятнаго циркуляра Жюля Фавра, въ которомъ грубая ложь и еще грубѣйшее невѣжество уступаютъ лишь безсильной и яростной злости республиканца-рenegата? Это отчаянный вопль не одного человѣка, а цѣлой буржуазной цивилизаціи, истощившей все на свѣтѣ и осужденной на смерть своимъ окончательнымъ изнеможеніемъ. Чувствуя приближеніе неминуемаго конца, она съ злобнымъ отчаяніемъ хватается за все, лишь бы продлить свое зло-вредное существованіе, призывая на помощь всѣхъ идоловъ прошедшаго, низвергнутыхъ нѣкогда ею же самую—и бога, и церковь, и папу, и патріархальное право, а пуще всего, какъ вѣрнѣйшее средство спасенія, полицейское покровительство и военную диктатуру, хотя бы даже прусскую, лишь бы она охраняла „честныхъ людей“ отъ ужасной грозы социальной революціи.

Циркуляръ г. Жюля Фавра нашель отголосокъ и гдѣ бы вы думали—въ Испаніи! Г. Сагаста, минутный министръ минутнаго испанскаго короля Амедея, захотѣлъ въ свою очередь угодить князю Бисмарку и обезсмертить свое имя. Онъ также поднялъ крестовый походъ противъ Интернаціонала и, не довольствуясь безсильными и безплодными мѣропріятіями, вызвавшими только весьма обидный смѣхъ испанскаго пролетаріата, также написалъ фразистый дипломатическій циркуляръ, за который однако, съ несомнѣннымъ одобреніемъ князя Бисмарка и его адъюкта Жюля Фавра, получилъ заслуженную нахлобучку отъ болѣе осмотрительнаго и менѣе свободнаго правительства Великобританіи, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ и свалился.

Кажется, впрочемъ, что циркуляръ г. Сагасты, хотя и говорившій во имя Испаніи, былъ задуманъ, если не сочиненъ, въ Италіи, подъ непосредственнымъ руководствомъ многоопытнаго короля Виктора Эмануила, счастливаго отца несчастнаго Амедея.

Въ Италіи гоненіе противъ Интернаціонала было поднято съ трехъ разныхъ сторонъ: во первыхъ, про-клялъ его, какъ и слѣдовало ожидать, самъ папа. Сдѣлалъ онъ это самымъ оригинальнымъ образомъ, смѣ-

шавъ въ одномъ общемъ проклятіи всѣхъ членовъ Интернаціонала съ франъ-массонами, съ якобинцами, съ рационалистами, деистами и либеральными католиками. По опредѣленію св. отца, къ этому отверженному обществу принадлежитъ всякій, кто не покоряется слѣпо его боговдохновеннымъ словоизверженіямъ. Такъ точно, 26 лѣтъ тому назадъ, одинъ прусскій генераль опредѣлялъ коммунизмъ: „знаете ли вы, говорилъ онъ своимъ солдатамъ, что значитъ быть коммунистомъ? Это значитъ мыслить и дѣйствовать наперекоръ высочайшей мысли и воли его величества короля.“

Но не одинъ римско-католическій папа проклялъ интернаціональное общество рабочихъ. Знаменитый революціонеръ Джузеппе Маццини, извѣстный гораздо болѣе въ Россіи какъ итальянскій патріотъ, заговорщикъ и агитаторъ, чѣмъ какъ метафизикъ-деистъ и основатель новой церкви въ Италіи; да, самъ Маццини въ 1871 г., на другой день послѣ пораженія Парижской Коммуны, въ то самое время, какъ звѣрскіе исполнители звѣрскихъ версальскихъ декретовъ, разстрѣливали тысячами обезоруженныхъ коммунаровъ, нашель полезнымъ и нужнымъ присоединить къ римско-католической анаемѣ и къ полицейско-государственному гоненію, также и свое, якобы патріотическое и революціонное, въ сущности же совершенно буржуазное и вмѣстѣ съ тѣмъ богословское проклятіе. Онъ надѣялся, что его слова будетъ достаточно, чтобы убить въ Италіи всѣ симпатіи къ Парижской Коммунѣ и задуть въ зародышѣ только что возникавшія интернаціональныя секціи. Вышло совсѣмъ напротивъ: ничто не способствовало такъ усиленію этихъ симпатій и умноженію интернаціональныхъ секцій, какъ его громкое и торжественное проклятіе.

Итальянское правительство, враждебное папѣ, но еще болѣе враждебное Маццини, въ свою очередь не дремало. Сначала оно не поняло опасности, грозящей ему со стороны Интернаціонала, быстро распространяющагося не только въ городахъ, но даже въ селахъ Италіи. Оно думало, что новое общество будетъ лишь служить противодѣйствіемъ успѣхамъ буржуазно-республиканской пропаганды Маццини, и въ этомъ оношеніи оно не ошиблось; но оно скоро убѣдилось, что пропаганда

принциповъ соціальной революціи въ средѣ страстнаго населенія, доведеннаго имъ же самимъ до крайней степени нищеты и утѣсненія, является для него опаснѣе всѣхъ политическихъ агитаціи и предпріятій Маццини. Смерть великаго итальянскаго патріота, воспослѣдовавшая скоро послѣ его гнѣвнаго выступленія противъ Парижской Коммуны и противъ Интернаціонала, вполне успокоило съ этой стороны итальянское правительство. Обезглавленная партія маццинистовъ не грозила ему отнынѣ ни малѣйшею опасностью. Въ ней начался уже видимый процессъ разложенія и такъ какъ ея начала и цѣль, а также и весь составъ — чисто буржуазные, то она являетъ несомнѣнные признаки той немощи, которою поражены, въ наше время, всѣ буржуазныя начинанія.

Другое дѣло пропаганда и организація Интернаціонала въ Италіи. Онѣ обращаются прямо и исключительно къ чернорабочей средѣ, которая въ Италіи, равно какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, сосредоточиваетъ въ себѣ всю жизнь, силу и будущность современнаго общества. Изъ буржуазнаго міра примыкаютъ къ ней только тѣ немногіе люди, которые отъ души возненавидѣли настоящій порядокъ, порядокъ политической, экономической и соціальной, повернулись спиною къ классу ихъ народившему и всецѣло отдались народному дѣлу. Такихъ людей немного, но зато они драгоцѣнны, разумѣется только тогда, когда, возненавидѣвъ общеполитическое стремленіе къ господству, задушили въ себѣ послѣдніе остатки личнаго честолюбія; въ такомъ случаѣ, повторю я, они дѣйствительно драгоцѣнны. Народъ даетъ имъ жизнь, элементарную силу и почву, но взамѣнъ они приносятъ ему положительныя знанія, привычку отвлеченія и разобщенія и умѣніе организовываться и создавать союзы, которые въ свою очередь создаютъ ту сознательную боевую силу, безъ которой немислима побѣда.

Въ Италіи, какъ въ Россіи, нашлось довольно значительное количество такихъ молодыхъ людей, несравненно болѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Но, что несравненно важнѣе, въ Италіи существуетъ огромный, отъ природы чрезвычайно умный, но большею частью безграмотный и поголовно нищенскій пролета-

ріать, состоящій изъ двухъ—трехъ милліонівъ городскихъ и фабричныхъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ и около двадцати милліонівъ крестьянъ несобственникововъ. Какъ ужъ сказано выше, вся эта безчисленная масса людей доведена притѣснительнымъ и воровскимъ управленіемъ высшихъ классовъ, подъ либеральнымъ скипетромъ короля—освободителя и собирателя итальянскихъ земель, до такого отчаяннаго положенія, что самые поборники и заинтересованные участники настоящаго управленія, начинаютъ признаваться и говорить громко, какъ въ парламентѣ, такъ и въ официальныхъ журналахъ, что далѣе идти по этому пути невозможно и что необходимо сдѣлать что нибудь для народа во избѣжніе всеразрушающаго народнаго погрома.

Да, можетъ быть, нигдѣ такъ не близка социальная революція, какъ въ Италіи, нигдѣ, не исключая даже самой Испаніи, не смотря на то, что въ Испаніи уже существуетъ официальная революція, а въ Италіи повидимому все тихо. Въ Италіи весь народъ ожидаетъ социальнаго переворота и сознательно стремится къ нему. Можно себѣ представить, какъ широко, какъ искренно и какъ страстно была принята и принимается нынѣ итальянскимъ пролетаріатомъ программа Интернаціонала. Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже отчасти привилегированнаго, благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ. Особенно въ Германіи и въ Швейцаріи такихъ работниковъ много; въ Италіи же, напротивъ, очень мало, такъ мало, что они теряются въ массѣ безъ малѣйшаго слѣда и вліянія. Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа социальныхъ демократовъ Германіи отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей мас-

сы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей соціальной революціи.

Объ этомъ мы поговоримъ ниже пространнѣе, теперь же ограничимся выводомъ слѣдующаго заключенія: именно, вслѣдствіе этого рѣшительнаго преобладанія нищенскаго пролетаріата въ Италіи, пропаганда и организація интернаціональнаго общества рабочихъ въ этой странѣ приняли характеръ самый страстный и истинно-народный; и именно вслѣдствіе этого, не ограничиваясь городами, они немедленно охватили сельское население.

Итальянское правительство вполнѣ понимаетъ нынѣ опасность этого движенія и всѣми силами, но тщетно, старается задуть его. Оно не издаетъ громкихъ, фразистыхъ циркуляровъ, но дѣйствуетъ, какъ подобаешь полицейской власти, втихомолку, душитъ безъ объясненій, безъ крика. Закрываетъ наперекоръ всѣмъ законамъ, одно за другимъ, всѣ рабочія общества, исключая только тѣ, почетными членами которыхъ считаются принцы крови, министры, префекты и вообще люди знатные и почтенные. Всѣ же другія рабочія общества оно гонитъ немилосердно, захватываетъ ихъ бумаги, ихъ деньги, а членовъ ихъ держитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ суда и даже безъ слѣдствія въ своихъ грязныхъ тюрьмахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствуя такимъ образомъ, итальянское правительство руководствуется не только своею собственною мудростью, но также совѣтами и указаніями великаго канцлера Германіи, точно также какъ прежде слѣдовала послушно приказаніямъ Наполеона III. Итальянское государство находится въ томъ странномъ положеніи, что по количеству жителей и по объему своихъ земель, оно должно бы быть причислено къ великимъ державамъ, по своей же дѣйствительной силѣ, разоренное, гнило-организованное и, несмотря на всѣ усилія, весьма плохо дисциплинированное, къ тому же ненавидимое народными массами и даже мелкой буржуазіей, оно еле-еле можетъ быть признано державой второй величины. Поэтому ему необходимъ покровитель, т. е. повелитель внѣ Италіи, и всякій найдетъ естественнымъ, что послѣ паденія Наполеона III князь Бисмаркъ заступилъ мѣсто необходимаго со-

юзника этой монархіи, созданной пьмонтскою интригою на почвѣ уготованной патріотическими усилями и подвигами Маццини и Гарибальди.

Впрочемъ рука великаго канцлера пангерманской имперіи чувствуется теперь въ цѣлой Европѣ, исключая развѣ только Англии, которая однако не безъ безпокойства смотритъ на это возникающее могущество, да еще Испаніи, обезпеченной противъ реакціоннаго вліянія Германіи, покрайней мѣрѣ на первое время, своею революціею, равно какъ и своимъ географическимъ положеніемъ. Вліяніе новой имперіи объясняется изумительнымъ торжествомъ, одержаннымъ ею надъ Франціей; всякій признаетъ, что она по своему положенію, по громаднымъ средствамъ завоеваннымъ ею, и по своей внутренней организаціи, занимаетъ нынѣ рѣшительно первое мѣсто между европейскими великими державами и въ состояніи дать почувствовать каждой изъ нихъ свое преобладаніе; а что вліяніе ея непременно должно быть реакціоннымъ, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія.

Германія, въ настоящемъ своемъ видѣ, объединенная геніальнымъ и патріотическимъ могуществомъ *) князя Бисмарка и опирающаяся съ одной стороны на примѣрную организацію и дисциплину своего войска, готоваго задушить и зарѣзать все на свѣтѣ и совершить всевозможныя внутреннія и вѣншія преступленія по одному мановенію своего короля-императора; а съ другой—на вѣрнопопуданнической патріотизмъ, на національное безграничное честолюбіе и на то древнее историческое, столь же безграничное послушаніе и богопочитаніе власти, которыми отличаются нынѣ нѣмецкое дворянство, нѣмецкая бюрократія, нѣмецкая церковь, весь цѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ и, подъ ихъ соединеннымъ вліяніемъ, не рѣдко, увы! и самъ нѣмецкій народъ—Германія, говорю я, гордая деспотически-конституціоннымъ могуществомъ своего единодержавца и властителя, представляетъ и совмѣщаетъ къ себѣ всецѣло одинъ изъ двухъ полюсовъ современнаго соціально-политическаго движенія, а

*) Въ политикѣ, равно какъ и въ высшихъ финансовыхъ сферахъ мошенничество считается доблестью.

именно: полюсь государственности, государства, реакціи.

Германія—государство по преимуществу, какъ имъ была Франція при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ I, какъ имъ не переставала быть Пруссія по настоящее время. Со времени окончательнаго созданія прусскаго государства Фридрихомъ II, былъ поднятъ вопросъ: кто кого поглотитъ, Германія ли Пруссію, или Пруссія Германію? Оказывается, что Пруссія съѣла Германію. Значитъ, доколѣ Германія останется государствомъ, не смотря вна какія мнимо-либеральныя, конституціонныя, демократическія и даже соціально-демократическія формы, она будетъ по необходимости первостепенною и главною представительницею и постояннымъ источникомъ всѣхъ возможныхъ деспотизмовъ въ Европѣ.

Да, со времени образованія новой государственности въ исторіи, съ самой половины шестнадцатаго вѣка, Германія, причисляя къ ней австрійскую имперію, поскольку она нѣмецкая, никогда не переставала быть въ сущности главнымъ центромъ всѣхъ реакціонныхъ движеній въ Европѣ, даже не исключая того времени, когда великій коронованный вольнодумецъ Фридрихъ II переписывался съ Вольтеромъ. Какъ умный государственный чловѣкъ, ученикъ Макиавелли и учитель Бисмарка, онъ ругался надо всѣмъ: надъ Богомъ и надъ людьми, не исключая разумѣется своихъ корреспондентовъ-философовъ, и вѣрилъ только въ свой „государственный разумъ“, опиравшійся при томъ, какъ всегда, на „божественную силу многочисленныхъ баталіоновъ“ (Богъ всегда на сторонѣ сильныхъ баталіоновъ, говорилъ онъ), да еще на экономію и возможное совершенство внутренняго управленія, разумѣется механическаго и деспотическаго. Въ этомъ, по его, да также и по нашему мнѣнію, заключается дѣйствительно вся суть государства. Все же остальное, лишь невѣстная фіоритуря, имѣющая цѣлью обмануть нѣжныя чувства людей, неспособныхъ вынести сознанія суровой истины.

Фридрихъ II усовершенствовалъ и окончилъ государственную машину, построенную его отцемъ и дѣдомъ и подготовленную его предками; и эта машина сдѣлалась, въ рукахъ достойнаго преемника его, князя

Бисмарка, орудіемъ для завоеванія и для возможнаго пруссогерманизированья Европы.

Германія, сказали мы, со времени реформы не переставала быть главнымъ источникомъ всѣхъ реакціонныхъ движеній въ Европѣ; отъ половины XVI вѣка до 1815 года инициатива этаго движенія принадлежала Австріи. Отъ 1815 до 1866 года она раздѣлилась между Австріею и Пруссіею, однако съ преобладаніемъ первой, покуда управлялъ ею старый князь Меттернихъ, т. е. до 1848 года. Съ 1815 года приступилъ къ этому святому союзу чисто германской реакціи, гораздо болѣе въ видѣ охотника, чѣмъ дѣльца нашъ татаро-нѣмецкій, всероссійско-императорскій кнуть.

Побуждаемые естественнымъ желаніемъ снять съ себя тяжкую отвѣтственность за всѣ мерзости, учиненныя священнымъ союзомъ, нѣмцы стараются увѣрить себя и другихъ, что главнымъ ихъ зачинщикомъ была Россія. Не мы станемъ защищать императорскую Россію, потому что именно вслѣдствіе нашей глубокой любви къ русскому народу, именно потому что мы страстно желаемъ ему полнѣйшаго преуспѣянія и свободы, мы ненавидимъ эту поганую всероссійскую имперію такъ, какъ ни одинъ нѣмецъ ее ненавидѣть не можетъ. Въ противность нѣмецкимъ социаль-демократамъ, программа которыхъ ставитъ первую цѣлью основаніе пангерманскаго государства, русскіе социальныя революціонеры стремятся прежде всего къ совершенному разрушенію нашего государства, убѣжденные въ томъ, что пока государственность, въ какомъ бы то видѣ ни было, будетъ тяготѣть надъ нашимъ народомъ, народъ этотъ будетъ нищимъ рабомъ. Итакъ, не ъ изъ желанія защищать политику петербургскаго кабинета, а ради истины, которая всегда и вездѣ полезна, мы отвѣтимъ нѣмцамъ слѣдующее:

Въ самомъ дѣлѣ, императорская Россія, въ лицѣ двухъ своихъ вѣнценосцевъ, Александра I и Николая, казалось весьма дѣятельно вмѣшивалась во внутреннія дѣла Европы: Александръ рыскалъ изъ конца въ конецъ и много хлопоталъ и шумѣлъ; Николай хмурился и грозилъ. Но тѣмъ все и кончилось. Они ничего не сдѣлали, не потому, что не хотѣли, а потому, что не могли, оттого что имъ не позволили ихъ же друзья,

австрійскіе и прусскіе нѣмцы; имъ предоставлена была лишь почетная роль пугаль, дѣйствовали же только Австрія, Пруссія и, наконецъ, подъ руководствомъ и съ позволенія той и другой—французскіе Бурбоны (противъ Испаніи).

Имперія всероссійская только одинъ разъ выступила изъ своихъ границъ, въ 1849 г. и то только для спасенія австрійской имперіи, обуреваемой венгерскимъ бунтомъ. Въ продолженіе нынѣшняго вѣка Россія два раза душила польскую революцію, и оба раза съ помощью Пруссіи, столько же заинтересованной въ сохраненіи польскаго рабства, какъ и она сама. Я говорю разумѣется объ императорской Россіи. Россія народная немыслима безъ польской независимости и свободы.

Что русская имперія, по существу своему, не можетъ хотѣть другого вліянія на Европу, кромѣ самаго зловреднаго и противусвободнаго, что всякій новый фактъ государственной жестокости и торжествующаго притѣсненія, всякое новое потопленіе народнаго бунта въ народной крови, въ какой бы то странѣ не было, всегда встрѣтять въ ней самыя горячія симпатіи, кто можетъ въ этомъ сомнѣваться? Но не въ этомъ дѣло. Вопросъ въ томъ, какъ велико ея дѣйствительное вліяніе и занимаетъ ли она по своему уму, могуществу и богатству такое преобладающее положеніе въ Европѣ, чтобы голосъ ея былъ въ состояніи рѣшать вопросы?

Достаточно вникнуть въ исторію послѣдняго шестидесятилѣтія, а также и въ самую суть нашей татаро-нѣмецкой имперіи, чтобы отвѣтить отрицательно. Россія далеко не такая сильная держава, какою любятъ рисовать ее себѣ хвастливое воображеніе нашихъ квасныхъ патриотовъ, ребяческое воображеніе западныхъ панславистовъ, а также обезумѣвшее отъ старости и отъ испуга воображеніе рабствующихъ либераловъ Европы, готовыхъ преклоняться передъ всякою военною диктатурою, домашнею и чужою, лишь бы она ихъ только избавила отъ ужасной опасности, грозящей имъ со стороны собственнаго пролетаріата. Кто, не руководствуясь ни надеждою, ни страхомъ, смотритъ трезво на настоящее положеніе петербургской импе-

риі, тотъ знаетъ, что на западѣ и противъ запада, она собственно иниціативою, не будучи вызвана къ тому какою либо великою западною державою, и не иначе, какъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ нею, никогда ничего не предпринимала и предпринять не можетъ. Вся ея политика состояла искони только въ томъ, чтобы примазаться какъ нибудь къ чужому начинанію; и со времени хищническаго раздѣленія Польши, задуманнаго, какъ извѣстно, Фридрихомъ II, предлагавшимъ было Екатеринѣ II раздѣлить между собою точно также и Швецію, Пруссія была именно тою западною державою, которая не переставала оказывать эту услугу всероссійской имперіи.

Въ отношеніи къ революціонному движенію въ Европѣ Россія, въ рукахъ прусскихъ государственныхъ людей, играла роль пугала, а нерѣдко и ширмъ, за которыми они очень искусно скрывали свои собственные завоевательныя и реакціонныя предпріятія. Послѣ же удивительнаго ряда побѣдъ, одержанныхъ прусско-германскими войсками во Франціи, послѣ окончательнаго низложенія французской гегемоніи въ Европѣ и замѣщенія ея гегемоніей пангерманскою, ширмъ этихъ стало не нужно, и новая имперія, осуществившая заповѣднѣйшія мечты гѣмьцакаго патріотизма, выступила откровенно во всемъ блескѣ своего завоевательнаго могущества и своей систематически реакціонной иниціативы.

Да, Берлинъ сталъ теперь видимою главою и столицею всей живой и дѣйствительной реакціи въ Европѣ, князь Бисмаркъ—ея главнымъ руководителемъ и первымъ министромъ. Я говорю, реакціи живой и дѣйствительной, а не отжившей. Отжившая или изъ ума выжившая реакція, по преимуществу римско-католическая, бродитъ еще какъ зловѣщая, но уже безсильная тѣнь въ Римѣ, въ Версалѣ, отчасти въ Вѣнѣ и въ Брюсселѣ; другая, кинто-петербургская, положимъ, хоть и не тѣнь, но тѣмъ не менѣе, лишенная смысла и будущности, продолжаетъ еще безчинствовать въ предѣлахъ всероссійской имперіи. Но живая, умная, дѣйствительно сильная реакція сосредоточена отнынѣ въ Берлинѣ и распространяется на всѣ страны Европы изъ новой германской имперіи, управляемой государ-